Дьявол и сеньорита Прим

Автор:
Пауло Коэльо

Дьявол и сеньорита Прим

Пауло Коэльо

И в день седьмой… #3

В маленьком горном селении Вискосе появляется незнакомец. В чемодане у него одиннадцать слитков золота. С их помощью он хочет получить ответ на мучающий его вопрос: люди по своей сути более склонны к злу или к добру? Селянам предстоит прожить неделю, полную драматических событий, оказаться перед лицом любви, смерти, власти, в душе каждого будет происходить борьба между Светом и Тьмой.

Пауло Коэльо

Дьявол и сеньорита Прим

Книга издана с разрешения Sant Jordi Asociados, Barcelona, SPAIN

Originally published as O Demфnio e a Srta. Prym by Paulo Coelho

Copyright © 2000 by Paulo Coelho

© Богдановский А., перевод, 2008

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

И спросил Его

некто из начальствующих:

Учитель благий! что мне делать,

чтобы наследовать жизнь вечную?

Иисус сказал ему: что ты называешь

Меня благим? Никто не благ,

как только один Бог.

Евангелие от Луки 18:18–19

От автора

Самая первая история о Разделении появилась в Древней Персии. Она гласит, что бог времени, сотворив Вселенную, увидел: несмотря на царящую вокруг гармонию, не хватает чего-то очень важного – не хватает спутника, вместе с которым можно было бы наслаждаться всей этой красотой.

Тысячу лет бог молится о рождении сына. История умалчивает о том, к кому же мог обратиться всемогущий, единственный и верховный повелитель всего сущего. Тем не менее он молится, и вот в конце концов молитва его услышана.

Однако, осознав, что скоро получит желаемое, бог времени раскаивается в содеянном, ибо понимает, что нарушится очень шаткое равновесие. Но слишком поздно – дитя, которое он выносил во чреве, уже на пути в этот мир. Только и удается богу слезными мольбами добиться того, чтобы оно разделилось надвое.

Если верить этой легенде, рождаются у бога времени близнецы: во исполнение молитвы его – Добро (Ормузд), а в результате раскаяния – Зло (Ариман).

Встревоженный бог делает все возможное, чтобы первым из чрева вышел Ормузд, который, удерживая и обуздывая Аримана, не даст брату натворить бед во Вселенной. Однако Зло, как известно, проворно и хитро, а потому в самую минуту родов ему удается опередить Ормузда и первым увидеть свет звезд.

Опечаленный бог времени принимает решение дать Ормузду союзников – и создает он род людской, который будет биться рядом с ним, чтобы не дать Злу-Ариману возобладать и взять власть над миром.

По персидской легенде, род людской сотворен как союзник Добра и, в соответствии с традицией, в конце концов одержит победу. Но много столетий спустя появляется другая легенда, и из нее мы узнаем противоположную версию – человек есть орудие Зла.

Полагаю, большинство читателей знают, о чем идет речь: в райском саду, наслаждаясь всем, что только можно себе вообразить, живут мужчина и женщина. Для них существует один-единственный запрет: эта супружеская чета ни в коем случае не должна познать, что такое Добро и Зло. Господь Вседержитель говорит им: «От дерева познания добра и зла не ешь…» (Книга Бытия 2:17).

Но вот в один прекрасный день появляется змей, который ручается честным словом, что это познание – гораздо важнее самого рая, а потому супругам необходимо им обладать. Женщина поначалу отказывается, говоря, что Бог пригрозил им за ослушание смертью, однако змей обещает, что ничего подобного не случится. Совсем наоборот – в тот день, когда они познают Добро и Зло, они станут богоравными.

Еву удается убедить; она пробует запретный плод сама и дает кусочек Адаму. С этой минуты прежнее равновесие в Раю нарушено: супруги изгнаны оттуда и прокляты. Однако при этом Бог произносит загадочную фразу, в которой полностью признает правоту змея: «Вот Адам стал как один из нас, зная добро и зло».

И в этом случае (в точности как в легенде о боге времени, который молит о чем-то, сам будучи самодержавным и полновластным властелином) Библия не объясняет, с кем разговаривает единственный Бог и почему он – если он единственный – произносит слова «один из нас».

Как бы то ни было, род людской от самых своих истоков обречен двигаться в вечном Разделении между двумя противоположностями. И нас с вами обуревают те же сомнения относительно наших предков, и эта книга, написанная мною в попытке их прояснения, использует кое-какие легенды, возникшие во всех четырех сторонах света, но рассказывающие об одном и том же.

Книга «Дьявол и сеньорита Прим» завершает трилогию «И в день седьмой…», куда входят «На берегу Рио-Пьедра села я и заплакала» (1994) и «Вероника решает умереть» (1998). Все три рассказывают об одной неделе из жизни обыкновенных людей, которые внезапно оказались перед лицом любви, смерти, власти. Я всегда считал, что самые глубинные изменения – и в человеческой душе, и в жизни общества – происходят в очень сжатые сроки. В тот миг, когда мы меньше всего этого ожидаем, жизнь бросает нам вызов, чтобы проверить наше мужество и наше желание перемен; и не позволяет сделать вид, будто ничего не происходит, или отговориться тем, что мы еще не готовы.

На вызов надо ответить незамедлительно. Жизнь не смотрит назад. Неделя – это срок более чем достаточный, чтобы решить, принимаем мы свою судьбу или нет.

Буэнос-Айрес, 2000 г.

1

Вот уж лет пятнадцать, как старуха Берта каждый день выходила из дома, садилась у дверей. Жители Вискоса знали, что так оно и ведется у людей пожилых – они думают о прошлом, вспоминают молодость, созерцают мир, к которому почти уже не принадлежат, ищут, о чем бы потолковать с соседями.

* * *

У Берты, однако, были иные причины сидеть у дверей. И в то утро, когда увидела она незнакомца, который, поднявшись по крутому склону, медленно направлялся к единственной в том городке гостинице, поняла – дождалась. Сколько раз она его себе представляла, а он оказался совсем другим: в поношенной, чтобы не сказать обтрепанной, одежде, обросший, небритый.

И сопровождал его дьявол.

«Муж мой оказался прав, – подумала она. – Не сидела бы я тут, никто бы ничего не заподозрил».

Берта не очень-то умела определять возраст и потому прикинула, что новоприбывшему должно быть лет сорок-пятьдесят. «Молодой», – подумала она, и ход ее мыслей понятен лишь тому, кто доживет до ее лет. Она спросила себя, долго ли он у них пробудет, и, затруднившись с ответом, все же решила, что недолго, раз у него с собой лишь маленький чемоданчик. А скорей всего – переночует и пойдет дальше, следуя своей стезей, Берте неведомой, да и не интересной.

И все же не пропали впустую годы, проведенные ею на пороге дома в ожидании его прихода, ибо за это время она научилась ценить красоту окрестных гор, которых прежде и не замечала по той простой причине, что родилась здесь и привыкла к пейзажу.

А приезжий, как и следовало ожидать, вошел в гостиницу. Берта подумала было – не поговорить ли со священником об этом нежелательном появлении, но

решила, что не стоит: не станет тот ее слушать, скажет, мол, выжила старуха из ума.

Что ж, тогда остается лишь ждать, что дальше будет. Ведь дьяволу, чтобы натворить бед, много времени не надо – так ураганы, лавины, шквалы в мгновение ока валят деревья, посаженные лет двести назад. Тут осенило старуху: оттого лишь, что узнала она про зло, которое сию минуту вошло в Вискос, положение дел особенно не изменилось: дьявол приходит и уходит, и вовсе не обязательно, чтобы кто-нибудь пострадал от его присутствия. Дьяволы постоянно бродят по свету: иногда – так просто, чтобы узнать, что там творится, а иногда – чтобы подвергнуть испытанию ту или иную душу, но при этом сами они весьма переменчивы и решения принимают без всякой логики, повинуясь единственно удовольствию вступить в схватку с достойным противником. Берта полагала, что ничего особо интересного или примечательного в Вискосе нет и больше чем на сутки городок не может привлечь внимание кого бы то ни было, а уж князя тьмы – и подавно.

Она попыталась было придать мыслям своим иное направление, однако давешний незнакомец никак не выходил у нее из головы. А небо, еще совсем недавно чистое и ясное, начало между тем хмуриться.

«Что тут особенного, – подумала Берта. – В это время года всегда так». Никакой связи с появлением незнакомца, чистое совпадение.

Тут она услышала отдаленный раскат грома, а следом – еще три. С одной стороны, это означало, что дождь собирается, но с другой, особенно если вспомнить бытовавшие в Вискосе поверья, – можно было истолковать и так, что прозвучал голос разгневанного Бога, недовольного тем, что люди стали безразличны к Его присутствию.

«Наверное, я должна что-нибудь сделать. Ведь, в конце концов, тот, кого я ждала, только что пришел».

Несколько минут она присматривалась и прислушивалась к тому, что происходило вокруг: грозовые тучи все ниже нависали над городом, но больше не грохотало. Берта, как добрая, хотя и бывшая католичка, отметала всякие поверья и суеверья вообще, а уж местные, уходившие корнями в древнюю кельтскую цивилизацию, в лоне которой и возник в незапамятные времена

городок Вискос, – тем более.

«Гром – это всего лишь явление природы. Если бы Господь вознамерился обратиться к людям, он нашел бы иной способ, попроще».

Покуда она размышляла об этом, снова – и теперь уже совсем близко – грянул гром. Берта поднялась, забрала свой стул и вошла в дом, чтоб под дождь не попасть, но сердце ее вдруг сжалось от смутного страха, определить причину которого она не могла.

«Что же я должна сделать?»

Снова ей захотелось, чтобы незнакомец поскорее покинул их городок: она слишком стара, чтобы помочь себе самой, Вискосу, а главное – Господу Вседержителю, который, если нужда возникнет, без сомнения, выберет Себе для поддержки и опоры кого-нибудь помоложе. Все это – пустые бредни: муж ее от нечего делать любил выдумывать всякую всячину, чтобы помочь ей время скоротать.

Однако она видела дьявола – и уж в этом не было у нее ни малейшего сомнения.

Дьявола, принявшего обличье человека из плоти и крови, в одежде странника.

2

В одном доме с гостиницей помещались: продуктовый магазин, ресторан, где подавали блюда местной кухни, и бар, куда захаживали жители Вискоса посудачить о погоде или о том, что нынешней молодежи нет никакого дела до жизни деревни. «Девять месяцев – зима, три остальные – каторга», – говаривали они, разумея при этом, что всего лишь за девяносто дней надобно вспахать и засеять поле, вырастить и собрать урожай, скосить и скопнить сено, остричь овец.

* * *

Все местные знали, что живут в мире, которого больше нет, но при этом упрямо не желали соглашаться с тем, что они – последнее поколение земледельцев и пастухов, столько веков обитавших в здешних горах. Рано или поздно появятся в их краю машины, и скотину будут разводить вдалеке отсюда, кормя ее по-особому, и какая-нибудь крупная иностранная фирма, купив городок, превратит его в горнолыжный курорт.

Такая судьба уже постигла все окрестные городки, один только Вискос сопротивлялся. Дело, наверно, было в том, что сильны были в нем чувство долга перед прошлым и память предков, некогда живших здесь и втолковавших потомкам, как важно сопротивляться до последнего.

Приезжий внимательно прочел регистрационную карточку, соображая, как ее заполнить. По его выговору здешние люди догадаются, что прибыл он из какой-то южноамериканской страны, и потому решил написать «Аргентина» – ему очень нравилась ее сборная по футболу. В графе «Домашний адрес» он указал «улица Колумбии», припомнив, что есть в Южной Америке такой обычай – в знак уважения давать улицам и площадям названия соседних государств. А имя себе он одолжил у одного знаменитого террориста, жившего в прошлом веке.

И двух часов не прошло, как каждый из 281 жителя Вискоса уже знал, что приехал к ним чужестранец по имени Карлос, что родом он из Аргентины, а живет в Буэнос-Айресе, на славной улице Колумбии. Вот оно, преимущество крошечных городков – безо всякого усилия с твоей стороны всем все про тебя известно.

В этом, между прочим, и заключалось намерение новоприбывшего.

Он поднялся к себе в номер, разобрал чемодан – достал оттуда кой-чего из одежды, бритвенный прибор, запасную пару башмаков, витамины, предупреждающие простуду, толстую тетрадь, в которой делал свои записи, и одиннадцать слитков золота весом два кило каждый. Утомясь от напряжения, от подъема и от тяжелого груза, он тотчас уснул, но все же сначала припер входную дверь стулом, хоть и знал, что каждому из 281 жителя Вискоса можно доверять.

А наутро он выпил кофе, оставил у портье одежду, чтобы ее выстирали, снова положил в чемодан золотые слитки и двинулся по направлению к горе,

высившейся к востоку от деревни. По дороге увидел он лишь одну местную жительницу – какая-то старуха, сидя у дверей своего дома, проводила его любопытным взглядом.

Он углубился в чащу леса, подождал, пока уши привыкнут к тем звукам, что издавали насекомые и птицы, к шуму ветра в ветвях, лишенных листвы. Он знал, что в этом месте кто-нибудь может за ним незаметно наблюдать, и провел в праздности и бездействии чуть не целый час.

Уверившись, что тот, кто паче чаяния следил за ним, теперь уже ушел прочь, не узнав ничего такого, о чем можно было бы рассказать соседям, чужеземец выкопал ямку у подножия скалистого валуна, формой напоминавшего букву «Y», и спрятал там один из слитков. Поднялся по склону еще немного, еще час просидел, делая вид, будто глубоко погружен в созерцание природы, и увидел другой валун – этот был похож на орла. Он выкопал еще одну яму и положил туда десять оставшихся слитков.

Первой, кого увидел он на обратном пути в Вискос, была девушка, сидевшая с книгой на берегу одной из тех многочисленных речушек, что на какое-то время образуются в здешнем краю от таянья ледников. Почувствовав его присутствие, она подняла глаза, но сейчас же снова углубилась в чтение: матушка ее, вне всякого сомнения, в свое время внушила ей, что с незнакомцами заговаривать не следует.

Однако почему бы незнакомцам, попавшим в чужую страну, не попытаться свести дружбу с местными жителями? У них есть на это право, и потому он, подойдя поближе, сказал:

– Добрый день. Жарко нынче не по сезону.

Девушка молча кивнула.

– Мне бы хотелось кое-что тебе показать, – настойчиво продолжал тот.

Девушка, как человек воспитанный, отложила книгу, протянула ему руку и представилась:

– Меня зовут Шанталь. По вечерам я работаю в баре той гостиницы, где вы остановились. Я еще удивилась, что вы не стали ужинать: ведь отель получает свою прибыль не только от сдачи номеров, но и со всего того, что потребляют постояльцы. Вы – Карлос, приехали из Аргентины, живете на улице Колумбии, весь город уже об этом знает, потому что тот, кто приезжает к нам не в охотничий сезон, привлекает к себе всеобщее любопытство. Лет пятидесяти, волосы с проседью, взгляд человека пожившего и много пережившего. Что же касается вашего приглашения… Спасибо, конечно, но все окрестности Вискоса я знаю как свои пять пальцев, так что скорее уж мне стоило бы показать вам такое, чего вы никогда не видели. Но ведь вы, наверно, очень заняты.

– Мне 52 года, и зовут меня не Карлос, и все, что написано в регистрационной карточке, – неправда.

Шанталь растерялась, не зная, что на это ответить. А чужеземец продолжал:

– И показать я тебе хочу вовсе не достопримечательности Вискоса, а такое, чего ты не видела никогда в жизни.

Шанталь не раз читала о том, как девушки следовали за незнакомцем в чащу леса, а потом пропадали бесследно. На мгновение охватил ее страх, но тотчас исчез, сменившись жаждой приключения. Да и потом, этот человек ни на что дурное просто не решится – она же только что сказала ему, что весь Вискос знает о нем, пусть даже сведения, которые он дал о себе, не соответствуют действительности.

– А кто вы такой? – спросила она. – Если вы сейчас сказали мне правду, я ведь могу сообщить в полицию, что вы – не тот, за кого себя выдаете. Разве вам это не известно?

– Обещаю ответить на все твои вопросы, но сначала пойдем со мной. Это недалеко – минут пять ходьбы.

Шанталь захлопнула книгу, глубоко вздохнув и чувствуя, как в душе у нее страх перемешивается с восторженным ожиданием чего-то чудесного. Потом поднялась и зашагала следом за незнакомцем, не сомневаясь, впрочем, что постигнет ее очередное разочарование: так уже бывало – и всякий раз начиналось с многообещающей встречи, чтобы вскоре превратиться в

несбыточную мечту о любви.

А чужеземец тем временем подвел ее к валуну, напоминавшему букву «Y», показал Шанталь на холмик недавно вскопанной земли и попросил, чтобы девушка поглядела, что же там зарыто.

– Испачкаюсь, – сказала Шанталь. – Руки перепачкаю и платье.

Чужеземец подобрал с земли ветку, сломал ее и протянул Шанталь. Та удивилась, но, решив без спора делать все, что тот просит, принялась копать.

Через пять минут перед ней оказался желтоватый, в комьях налипшей земли брусок.

– Похоже на золото, – сказала она.

– Это и есть золото. Мое золото. Пожалуйста, закопай его.

Шанталь послушалась. Чужеземец подвел ее к другому тайнику. Она снова принялась раскапывать землю, и на этот раз ее поразило, сколько же золота предстало ее глазам.

– Это тоже золото. И оно тоже принадлежит мне.

Шанталь приготовилась было забросать яму землей, однако чужеземец попросил все оставить как есть. Потом он присел на камень, закурил и уставился куда-то вдаль.

– Зачем вы мне это показали? – спросила Шанталь.

Он молчал.

– Кто вы такой? И что вы делаете в Вискосе? Для чего показали мне золото? Разве вы не понимаете, что я могу всем рассказать о том, что скрыто на склоне этой горы?

– Слишком много вопросов сразу, – ответил чужеземец, не сводя глаз с горы и будто не замечая присутствия Шанталь. – Ну а насчет того, чтобы рассказать всем… Мне только этого и надо.

– Вы ведь обещали мне ответить на все вопросы, если я приду сюда.

– Прежде всего, не надо верить обещаниям. А на свете их так много – обещают богатство, спасение души, любовь до гроба. Есть люди, которые считают себя вправе посулить все что угодно. Есть другие – те соглашаются поверить в любые посулы, лишь бы они гарантировали им иную, лучшую участь. Ты относишься к ним. Те, которые обещают и обещания не выполняют, в конце концов становятся бессильными и никчемными. И это же происходит с теми легковерными, что хватаются за обещанное.

Он намеренно все осложнял, ибо вел сейчас речь о своей собственной жизни, о той ночи, что изменила его судьбу, о лжи, которую вынужден принять, потому что правду принять было невозможно. А если он хотел, чтобы смысл его слов дошел до Шанталь, говорить с нею надо было на ее языке.

Однако девушка понимала почти все. Чужестранец, как и всякий мужчина в годах, наверняка думал только о том, как бы переспать с молоденькой. Как и всякое человеческое существо, он был уверен, что за деньги можно получить все. Как и всякий приезжий, он полагал, что провинциальные девушки столь наивны и неискушенны, что согласятся на любое предложение – реально прозвучавшее или подразумеваемое в воображении – хотя бы потому, что оно означает по крайней мере возможность когда-нибудь выбраться из захолустья.

Не он первый и, к сожалению, не он последний, кто пытается соблазнить ее так просто и грубо. Шанталь смущало только одно – слишком уж много золота он предлагал ей: она никогда и не думала, что стоит так дорого, и это одновременно и льстило ей, и вызывало у нее ужас.

– Я не ребенок, чтобы верить обещаниям, – отвечала она, желая выиграть время.

– И тем не менее верила и продолжаешь верить.

– Вы ошибаетесь; я знаю, что живу в раю, я читала Библию и не повторю ошибки Евы, которая не хотела довольствоваться тем, что имела.

Разумеется, она говорила неправду и в глубине души уже начинала тревожиться, что чужеземец потеряет к ней интерес и уйдет прочь. На самом-то деле это она заманила чужеземца в ловушку, подстроив эту встречу в лесу и выбрав себе такой стратегически выгодный пункт, чтобы на обратном пути он никак не мог разминуться с нею, – так, чтобы было с кем поговорить, было от кого услышать обещание, а потом несколько дней кряду предаваться мечтам о том, что вот, может быть, придет новая любовь и она навсегда покинет долину, где родилась. Несмотря на многочисленные сердечные раны, Шанталь верила, что еще повстречает человека, которого полюбит на всю жизнь. Было время, когда она отвергала представлявшиеся возможности, считая, что это – не то, что ей нужно, но теперь чувствовала, что время летит слишком быстро, быстрей, чем казалось прежде, и готова была покинуть Вискос с первым встречным, с любым, кто предложит увезти ее отсюда, пусть бы даже она и не испытывала к нему никаких чувств. Шанталь была совершенно уверена, что научится любить его: в конце концов, любовь, как и многое другое, – это вопрос времени.

Размышления ее прервал голос чужеземца:

– Вот я и хочу понять, где мы живем – в раю или в аду.

Капкан захлопнулся.

– В раю. Но даже рай в конце концов приедается.

Это был пробный шар. То, что произнесла Шанталь, на самом деле означало: «Я свободна, я – не прочь». А он теперь должен был бы спросить: «И тебе тоже рай приелся?»

– И тебе тоже рай приелся? – спросил чужеземец.

Теперь надо вести себя поосторожней, не пороть горячку, не спугнуть добычу.

– Сама не знаю. Иногда чувствую, что приелся, а иногда кажется, что мне суждено жить здесь и вдали от Вискоса я бы просто не выдержала.

Следующий шаг: изобразить полное безразличие.

– Ну, ладно, раз уж вы мне ничего не хотите рассказать про это золото, то спасибо вам за приятную прогулку. Пойду на свой бережок читать свою книжку. Спасибо.

– Минутку!

Ага!

– Разумеется, я хочу объяснить тебе, что это за золото, а иначе зачем бы мне тебя приводить сюда?

Секс, деньги, власть, посулы – так она и знала! Однако Шанталь сделала вид, будто ждет потрясающего открытия: мужчины находят какое-то странное удовольствие в ощущении своего превосходства, а того не знают, что в большинстве случаев ведут себя абсолютно предсказуемо.

– Вы, должно быть, человек очень опытный, знающий жизнь и можете меня многому научить.

Вот так и надо! Важнейшее правило – в нужный момент, чтобы не спугнуть, слегка ослабить хватку, погладить по шерстке.

– Вот только странная у вас привычка: в ответ на самый простой вопрос разводите длинные рацеи насчет обещаний или насчет того, как всем нам следует жить. Я с большим удовольствием останусь, если только скажете то, о чем я вас спрашивала с самого начала: кто вы такой и что здесь делаете?

Чужеземец, который до этой минуты продолжал созерцать горы, теперь перевел взгляд на девушку. Ему столько лет приходилось иметь дело с разнообразнейшими представителями рода человеческого, что теперь он мог бы с большой долей вероятности сказать, о чем она думает. Шанталь почти наверняка считает, что он показал ей золото, чтобы поразить своим богатством – точно так же, как сейчас она старается своей юностью и безразличием произвести впечатление на него.

– Кто я такой? Ну, скажем, тот, кто уже довольно давно отыскивает одну истину; теоретически я ее установил, а проверить на практике не пришлось пока ни разу.

– Что же это за истина?

– Она касается природы человеческой. Я открыл, что если представляется нам возможность впасть в искушение, то в конце концов это непременно произойдет. Любое человеческое существо на земле – при благоприятных условиях, разумеется, – предрасположено творить зло.

– А я считаю…

– Речь не о том, что считаешь ты, или что я считаю, или во что бы нам хотелось верить. Речь о том, верна ли моя теория. Ты хотела знать, кто я? Я – промышленник, я очень богат и очень известен, у меня под началом были тысячи людей, я был с ними в случае необходимости жесток, а когда нужно – добр.

«Я – тот, кто въяве испытал такое, что другим людям не привидится и во сне, тот, кто обретал безграничность блаженства и обладал беспредельностью постижения. Я – тот, кто познал рай, считая, что томится в преисподней семейной обыденщины, и тот, кто познал ад, хотя мог бы наслаждаться раем полной свободы. Я – тот, кто всю свою жизнь творил и добро, и зло, и, думаю, никто на свете не подготовлен лучше, чем я, к ответу на мой вопрос о самой сути бытия. И вот поэтому я здесь. И я знаю, о чем ты сейчас спросишь».

Сбитая с толку Шанталь почувствовала, что необходимо сейчас же вновь обрести почву под ногами.

– Вы ждете, что я спрошу: «Для чего вы показали мне золото?» А на самом деле я хочу знать, что делать у нас в Вискосе промышленнику с громким именем и большими деньгами, если ответ на свой вопрос он может получить, порывшись в книгах, поучившись в университете или просто принаняв какого-нибудь знаменитого философа.

Чужеземцу пришлась по вкусу сообразительность Шанталь. Вот и славно: он опять – впрочем, как и всегда – сделал правильный выбор.

– Я пришел в Вискос потому, что у меня созрел план. Я как-то видел в театре пьесу Дюрренматта, ты наверняка знаешь такого?

Это была чистейшая провокация: совершенно ясно, что девушка понятия о нем не имеет, но сейчас же снова примет безразличный вид, словно отлично понимает, о ком идет речь.

– Ну, дальше, – сказала Шанталь с напускным равнодушием.

– Рад, что ты знаешь это имя, но, с твоего позволения, напомню, о какой именно пьесе я толкую, – он тщательно обдумывал каждое слово, добиваясь того, чтобы фраза звучала без преувеличенного цинизма, но с твердостью, присущей речам того, кто лжет сознательно и намеренно. – Действие там происходит в маленьком городке, куда приезжает некая дама, которая раньше там жила, причем приезжает она исключительно с одной целью – унизить и уничтожить человека, в молодости отвергшего ее. В подоплеке всей ее жизни, ее замужеств, вполне осуществившегося стремления разбогатеть лежит одно желание: отомстить тому, кто был ее первой любовью.

«И вот тогда я затеял свою собственную игру – решил прийти в какое-нибудь захолустное местечко, отъединенное от всего мира. Туда, где люди смотрят на жизнь радостно, мирно, сочувственно. Прийти – и попробовать сделать так, чтобы они нарушили кое-какие основные заповеди».

Шанталь повернула голову и стала смотреть на горы. Она поняла: чужеземец догадался о том, что имя Дюрренматта ей ничего не говорит, и теперь с опаской ждала, не спросит ли он ее о заповедях, а она всегда была далека от религии и потому понятия о них не имела.

– В этом городе все люди, начиная с тебя, – честные, – продолжал чужеземец. – Я показал тебе слиток золота, которое могло бы сделать тебя независимой, позволило бы уехать отсюда, путешествовать по свету – словом, дало бы все, о чем мечтают девушки из глухих маленьких городков. Золото останется здесь, а ты, зная, что оно принадлежит мне, если пожелаешь, все же сможешь забрать его. А когда заберешь, то преступишь заповедь «Не укради».

Девушка поглядела на него.

– Ну а что касается десяти других слитков, то благодаря этому золоту все жители Вискоса до конца дней своих избавились бы от необходимости работать, – продолжал чужеземец. – Я не попросил тебя забросать слитки землей, потому что намереваюсь перепрятать их в такое место, знать о котором буду я один. Я хочу, чтобы ты, когда вернешься в город, рассказала, что видела золото и что я готов вручить его жителям. При одном условии – они должны будут сделать такое, о чем никогда и помыслить не смели.

– Например?

– Пример приводить не стану, а просто скажу: я желаю, чтобы они нарушили заповедь «Не убий».

– Что? – чуть не вскрикнула Шанталь.

– То, что слышишь. Я желаю, чтобы они совершили преступление.

Тут он заметил, что тело девушки напряглось, и понял, что в любую минуту она может вскочить и уйти, не дослушав окончания его истории. Следовало торопиться, чтобы сообщить ей все задуманное.

– Я даю им неделю сроку. Если к исходу седьмых суток кто-нибудь из жителей Вискоса – не важно, будет ли это бесполезный старик, или неизлечимый больной, или слабоумный дурачок, с которым столько хлопот, – будет найден убитым, то я вручу золото вашему городу и приду к выводу, что все мы отягощены злом. Если же ты украдешь слиток, а Вискос сумеет побороть искушение – или случится наоборот, – это убедит меня в том, что есть на свете и дурные, и хорошие люди, и поставит в затруднительное положение, поскольку будет означать духовную борьбу, исход которой неясен, ибо победу может одержать и та, и другая сторона. Ты-то сама веришь в Бога, в жизнь духа, в битву между ангелами и демонами?

Шанталь ничего не отвечала, и он понял, что рискует: вопрос не ко времени – девушка может просто-напросто повернуться к нему спиной и убежать, не дав договорить. Так что довольно иронии, пора переходить прямо к делу.

– А если мне придется покинуть Вискос вместе со всеми одиннадцатью слитками, это будет значить: все, во что я хотел верить, оказалось ложью. Я умру, получив ответ, который бы мне не хотелось получать, потому что жизнь была бы более приемлемой, окажись я прав и убедись в том, что в мире преобладает зло.

«Хотя при этом я страдал бы по-прежнему, но когда страдают все, легче переносить боль. А если лишь некоторым суждено сталкиваться с великими трагедиями, то, значит, в замысле Творца и Его творении что-то не так».

Глаза Шанталь были полны слез, но, собрав все силы, она овладела собой:

– Зачем вы задумали это? Почему избрали для этого мой Вискос?

– Дело ведь не в тебе и не в твоем городишке: я думаю лишь о себе, ибо в истории одного человека заключена история всего человечества. Я желаю знать, хороши мы или плохи. Если хороши, значит, Бог – справедлив и простит меня за все, что я сделал: простит мне то зло, которого я желал тем, кто пытался погубить меня, те неверные решения, которые принимал в самые важные минуты жизни, и то предложение, которое я сделал тебе пять минут назад. Простит, потому что это Он подтолкнул меня на порочный путь.

«Ну а если мы плохи, тогда все позволено, и я никогда не совершал ошибочных шагов, и все мы уже обречены, и всё, что мы делаем в земной нашей жизни, особенного значения не имеет, ибо избавление от загробных мук не зависит ни от мыслей человеческих, ни от его деяний».

И, прежде чем Шанталь убежала, он успел добавить:

– Может статься, ты решишь не иметь со мной дела. Но в этом случае я сам расскажу всем, что дал тебе возможность помочь жителям Вискоса, а ты ее отвергла. Я сам предложу им то же, что предлагал тебе. И если они решат убить кого-нибудь, то, весьма вероятно, жертвой станешь ты.

Обитатели Вискоса быстро узнали привычки чужеземца: он просыпался рано, выпивал чашку крепчайшего кофе и отправлялся бродить по окрестным горам, нимало не смущаясь дождем, который как зарядил со второго дня его пребывания в городке, так и лил почти без перерыва, время от времени замерзая на лету и превращаясь в снег. Чужеземец никогда не обедал и имел обыкновение, вернувшись во второй половине дня в отель, запираться у себя в номере и – как все полагали – ложиться спать.

* * *

Под вечер чужеземец снова предпринимал прогулки, но теперь уже – в окрестностях городка. Он всегда первым появлялся в ресторане, безошибочно умел выбрать наиболее изысканные блюда, причем руководствовался не ценой, заказывал самое лучшее вино – а лучшее вовсе не обязательно значит «самое дорогое», – потом закуривал и шел в бар, где постепенно завел приятельские отношения с местными завсегдатаями обоего пола.

Ему нравилось слушать истории о здешних местах, о том, кто населял Вискос много лет назад (считалось, что некогда город был гораздо крупнее, чем сегодня, что и подтверждали развалины нескольких зданий на оконечностях трех городских улиц), о местных обычаях, поверьях и суевериях, столь присущих людям, которые сами возделывают землю, о всякого рода новых веяниях в земледелии и скотоводстве.

Когда же приходил его черед рассказывать о себе, начинались противоречия – то он говорил, что был когда-то моряком, то упоминал об огромных оружейных заводах, которыми руководил до тех пор, пока все не бросил и не затворился в монастыре в поисках Бога.

Выйдя из бара, местные спорили – правда все это или вранье. Мэр считал, что ничего нет необычного в том, что человек бывал в жизни и тем, и другим, и третьим, хотя жители Вискоса от младых ногтей знали, какая судьба уготована каждому из них; священник же придерживался иного мнения: он думал, что чужеземец, некогда сбившись с пути и растерявшись, приехал в здешние края, чтобы вновь обрести себя.

Все были убеждены только в одном – чужеземец пробудет в их городке не больше недели; хозяйка гостиницы рассказала, будто ее постоялец позвонил в столичный аэропорт подтвердить дату своего отлета, и вот что любопытно – летел он в Африку, а вовсе не в Южную Америку. Сразу же после этого телефонного разговора он достал из кармана пачку кредиток и заплатил вперед и за номер, и за еду, хоть хозяйка и уверяла, что доверяет ему. Однако он настоял на своем, и тогда она предложила ему, как всем прочим постояльцам, расплатиться кредитной карточкой – в этом случае у него остались бы наличные на всякий непредвиденный случай: мало ли как обернется дело. «Может, в Африке не принимают кредитные карточки», – хотела добавить она, но сочла, что было бы неделикатно, во-первых, показывать, что слышала телефонный разговор своего постояльца, а во-вторых, намекать, что одни части света более развиты, нежели другие.

Чужеземец поблагодарил ее за участие, но учтиво отказался.

Три вечера подряд он ставил угощение – опять же за наличные – всем, кто оказывался в баре. Такого никогда еще не случалось в Вискосе, а потому посетители, тотчас позабыв обо всех нестыковках и противоречиях в рассказах чужеземца, сочли его человеком щедрым и дружелюбным, лишенным предрассудков и склонным относиться к ним, обитателям провинциального захолустья, как если бы они были жителями больших городов.

И заспорили теперь уже о другом: перед самым закрытием бара одни припозднившиеся посетители заявляли, что мэр попал в самую точку и чужеземец на самом деле много чего повидал на своем веку, а потому понимает ценность истинной дружбы; прочие же склонялись к мнению, высказанному священником, по должности призванным разбираться в чужом душевном устройстве, и соглашались, что чужеземец – человек одинокий, ищущий новых друзей или новый взгляд на мир. Так или иначе, гость всем пришелся по вкусу, и жители Вискоса ни минуты не сомневались, что, когда в следующий понедельник он уедет, им будет его очень не хватать.

Помимо всего прочего, было отмечено, что он – человек скромнейший, а сделан был этот вывод на основании такой вот немаловажной подробности: все прочие приезжие мужчины – особенно если приезжали они в одиночку – непременно старались завязать беседу с Шанталь Прим, девушкой, работавшей в баре, то ли в надежде закрутить с нею мимолетный романчик, то ли еще почему. Этот же путешественник обращался к Шанталь лишь для того, чтобы сделать заказ, и не

бросал на нее многозначительно-масленые взгляды.

4

После встречи у реки Шанталь три ночи практически глаз не смыкала. Ветер, то усиливавшийся, то стихавший, сотрясал железные ставни, и под его ударами они лязгали так, что сердце замирало. Если же ей удавалось ненадолго забыться сном, то просыпалась она вся в испарине, хотя из экономии всегда отключала на ночь отопление.

* * *

В первую ночь она обнаружила себя перед лицом Добра. В промежутке между двумя кошмарами, которые ей потом не удавалось вспомнить, она молилась Богу и взывала к Нему о помощи. Ей и в голову ни на миг не приходило рассказать о том, что она слышала, то есть стать провозвестницей греха и смерти.

В данный момент она сочла, что Бог – так далеко от нее, что не услышит, и потому принялась молиться своей бабушке, которая, после того как мать Шанталь умерла в родах, вырастила ее и воспитала. Теперь и бабушки давно не было на свете. Шанталь изо всех своих сил цеплялась вот за какую мысль – Зло однажды уже побывало здесь и теперь ушло навсегда.

В личной, как говорится, жизни девушки хватало всяческих неприятностей, но она тем не менее всегда помнила, что ее городок населяют люди честные, неукоснительно исполняющие свой долг, идущие по жизни с гордо поднятой головой и всеми в округе уважаемые. Однако так было не всегда – на протяжении двух с лишним столетий обитали в Вискосе наихудшие представители рода человеческого, а все прочие принимали это обстоятельство как нечто вполне естественное и объясняли это проклятием кельтов, разбитых римлянами в сражении.

Так продолжалось до тех пор, пока ее народ не воспрял благодаря безмолвной отваге одного-единственного человека, который верил не в проклятия, а лишь в благословения. Шанталь слушала, как позвякивают под порывами ветра ставни,

и вспоминала, как бабушка рассказывала ей эту историю.

«Много-много лет назад жил в одной из здешних пещер некий отшельник, который впоследствии прославился под именем св. Савиния. В те времена Вискос был приграничным местечком, населенным разбойниками, укрывавшимися от правосудия, контрабандистами, проститутками, искателями приключений, которые подыскивали здесь себе сообщников, и наемными убийцами, отдыхавшими между двумя злодействами. Самым страшным и бессовестным из всех был араб по имени Ахав – он-то и взял власть над городком и его окрестностями, обложил непомерными податями земледельцев, которые все еще пытались жить достойно и честно.

Однажды Савиний покинул свою пещеру, пришел к дому Ахава и попросился переночевать.

– Разве ты не знаешь, что я – убийца, что у себя на родине я отправил на тот свет многих и что твоя жизнь не стоит для меня ничего? – рассмеялся Ахав.

– Знаю, – ответил Савиний. – Но я устал жить в пещере. Пусти меня в дом хотя бы на одну ночь.

Ахав знал, что слава святого не уступает его собственной, и это беспокоило его, ибо славу свою не желал делить ни с кем, а с таким немощным и хилым человеком – и подавно. И потому он решил в ту же ночь убить его, чтобы показать всем, кто здесь хозяин, истинный и единственный.

Они немного поговорили. На Ахава произвели впечатление слова святого, но он по натуре был человек недоверчивый и уже давно не верил в Добро. Разбойник указал святому отшельнику место для ночлега, а сам с угрожающим видом принялся точить нож. Савиний некоторое время наблюдал за ним, а потом закрыл глаза и уснул.

Ахав точил нож всю ночь. А утром, когда отшельник проснулся, встретил его рыданиями:

– Ты не испугался и не осудил меня. Впервые в жизни кто-то провел ночь рядом со мной, поверив, что я могу быть добр и способен приютить под своим кровом тех, кто в этом нуждается. Я поступил так потому, что ты поверил, будто я могу

так поступить.

И с той минуты Ахав оставил свой преступный промысел и взялся менять жизнь в округе. Вот тогда Вискос из прибежища разнообразных подонков общества мало-помалу стал превращаться в город, игравший важную роль в торговле между двумя государствами, между которыми был расположен».

– Да, это так.

Шанталь перестала плакать и мысленно поблагодарила бабушку за то, что привела ей на память эту давнюю историю. В Вискосе живут хорошие люди, и она может доверять им. Девушка попыталась заснуть, а покуда сон не шел, представляла, как расскажет горожанам все, что она услышала от чужеземца. Можно себе вообразить, какой испуг и изумление будут у него на лице, когда жители Вискоса выгонят его вон.

А на следующий день она с удивлением смотрела, как чужеземец, выйдя из ресторана, направился туда, где размещались бар, стойка портье и магазин местных продуктов, и, словно самый обычный турист, как ни в чем не бывало, завел с завсегдатаями разговор, делая вид, будто ему интересны стрижка овец или способы вяления мяса. Жители Вискоса считали, что иностранцы не могут не восторгаться той здоровой и естественной жизнью, которая течет в их городке, и потому твердили – и всякий раз все пространней – одно и то же: о том, как славно жить вдали от пороков современной цивилизации, хотя на самом деле каждый из них мечтал бы очутиться среди скопища автомобилей, отравляющих атмосферу вредными выхлопами, в каменных джунглях, где каждый шаг сопряжен со смертельным риском. Происходило это оттого, что большие города оказывают магическое, завораживающее воздействие на крестьян.

Однако стоило лишь появиться в Вискосе приезжему, как все местные наперебой и с таким жаром, будто старались убедить не только его, но и самих себя, принимались благословлять свою судьбу за то, что им выпало счастье проживать в настоящем раю, за чудо родиться здесь. Они словно бы и не помнили, что ни один из постояльцев гостиницы до сей поры почему-то не решил, бросив все, обосноваться в Вискосе.

Текла оживленная и приятная беседа, и все шло гладко, покуда чужеземец не отпустил реплику, которую не должен был отпускать:

– Какие у вас в Вискосе воспитанные дети! Они никогда не вопят под окнами по утрам – не то что в других городах, где мне приходилось бывать.

Поскольку в Вискосе вообще не было детей, на мгновение воцарилось неловкое и напряженное молчание, но тут кто-то находчиво поинтересовался у чужеземца, как ему понравилось очередное блюдо местной кухни, поданное ему на ужин, – и разговор покатился дальше, вертясь по обыкновению вокруг прелестей сельской жизни и недостатков – городской.

Время шло, и Шанталь все сильней тревожилась о том, не попросит ли ее чужеземец рассказать об их встрече в лесу. Однако он и не смотрел в ее сторону, а обратился к ней лишь раз: когда заказал – и сейчас же оплатил – выпивку для всех присутствующих.

Когда же посетители разошлись, а чужеземец поднялся к себе в номер, девушка сняла передник, вытащила сигарету из забытой кем-то на столе пачки и сказала хозяйке, что, мол, очень скверно спала ночью и потому приберет в баре утром. Та согласилась, и Шанталь, схватив свое пальто, выскочила на улицу, глотнув студеного ночного воздуха.

До дому ей было две минуты ходьбы, и девушка, чувствуя, как ползут по щекам капли дождя, думала, что, быть может, все это – лишь сумасбродная и мрачная шутка и чужеземец таким неудачным и зловещим способом хотел просто привлечь ее внимание.

Но тут она вспомнила о золоте: ведь она собственными глазами видела слитки.

А вдруг это не золото? Но Шанталь была слишком измучена, чтобы размышлять, и потому, добравшись до дому, поспешно разделась и юркнула под одеяло.

На вторую ночь Шанталь оказалась перед лицом Добра и Зла. Она заснула глубоко и крепко, будто провалилась, и ничего ей не снилось, однако не прошло и часа, как девушка проснулась. Снаружи не доносилось ни звука – даже ветер

не брякал металлическими ставнями, даже ночные птицы смолкли. Ничто, абсолютно ничто не указывало, что Шанталь пока еще пребывает в мире живых.

Подойдя к окну, она поглядела на пустынную улицу, на моросящий дождь и туман, сквозь который еле пробивался неоновый свет гостиничной вывески, и в этом слабом свете Вискос выглядел еще более уныло. Шанталь хорошо знала это безмолвие, царящее в маленьких провинциальных городках и означающее вовсе не мир и спокойствие, а полнейшее отсутствие новостей, которые заслуживали бы упоминания.

Шанталь перевела взгляд на горы; видеть их она не могла из-за низко нависших туч, но знала, что где-то там припрятан слиток золота. Точней сказать – кирпичик желтого цвета, оставленный там чужестранцем, который указал ей точное местонахождение клада, словно прося, чтобы девушка выкопала золото и взяла его себе.

Она вернулась в постель, стала ворочаться с боку на бок, снова поднялась и пошла в ванную, стала разглядывать себя в зеркале, подумала, что скоро уже потеряет свою привлекательность, снова легла. Пожалела, что не взяла с собой пачку сигарет, позабытую на столе в баре кем-то из посетителей, впрочем, оно и хорошо, что не захватила: тот наверняка вернется за ней, а Шанталь не хотелось бы, чтобы ей перестали доверять. Таковы уж были нравы в Вискосе: у полупустой пачки сигарет имелся владелец; оторвавшуюся от пальто пуговицу принято было хранить до тех пор, пока кто-нибудь не хватится ее и не спросит, не находили ли; сдачу полагалось отсчитывать до последней медной монетки, и округлять счет не разрешалось. Проклятое место – все здесь устроено прочно, надежно и предсказуемо.

Убедившись, что заснуть ей не удастся, она попробовала было молиться и вспоминать бабушку, но перед глазами неотступно стояло одно и то же – ямка в земле, желтый брусок с налипшими на него комьями, обломок ветки, зажатый у нее в руке, как посох паломника, готового пуститься в путь. Шанталь несколько раз засыпала и тотчас просыпалась, а за окнами было все так же мертвенно тихо, и все та же картина беспрестанно прокручивалась у нее перед глазами.

Когда же Шанталь заметила, что за окном забрезжил первый свет зари, она оделась и вышла из дому.

Хотя люди в Вискосе привыкли вставать на рассвете, было так рано, что городок еще спал. Шанталь прошла по пустынной улице, несколько раз обернувшись, чтобы удостовериться, что чужестранец не идет следом. Впрочем, из-за тумана в двух шагах ничего не было видно. Шанталь время от времени останавливалась, пытаясь различить звук шагов, но слышала только, как колотится у нее сердце.

Девушка углубилась в лес, дошла до валуна, формой похожего на букву «Y», – камень всегда вселял в нее тревогу: казалось, что он вот-вот может опрокинуться, – взяла ту же ветку, что оставила на земле накануне, принялась копать землю точно в том месте, которое указал ей чужестранец, потом сунула руку в образовавшееся отверстие и достала слиток. Тут она заметила нечто странное – в чаще леса по-прежнему было так тихо, что казалось, будто от чьего-то присутствия звери и птицы затаились и замерла листва на деревьях.

Шанталь взяла брусок в руки, удивившись его тяжести, обтерла и заметила на одной из его граней два клейма и еще какие-то цифры, значения которых понять не могла, как ни старалась.

Сколько же стоит этот слиток? Точная сумма неизвестна, но – как говорил тогда чужестранец – достаточно, чтобы до конца жизни не заботиться о заработке. Шанталь держала в руках сбывшееся воплощение своей мечты, которое каким-то чудом оказалось перед ней. Это был шанс избавиться от дней и ночей Вискоса, неотличимо схожих между собой; от гостиницы, где она работала с тех самых пор, как стала совершеннолетней; от ежегодных встреч с друзьями и подругами, давно покинувшими Вискос, потому что родители сумели отправить их в большие города – учиться и преуспеть в жизни, – от разлуки со всеми, к кому она уже успела привыкнуть и привязаться; от мужчин, которые сперва сулили ей золотые горы, а на следующий день уезжали, даже не попрощавшись; от всего, с чем она успела и не успела расстаться. Здесь, в лесу, наступила самая важная минута ее бытия.

Жизнь всегда была несправедлива к Шанталь: отца она не знала, мать умерла в родах, взвалив ей на плечи бремя вины; бабушка зарабатывала на жизнь шитьем, экономя каждый грош, чтобы внучка могла выучиться по крайней мере читать и писать. Шанталь была мечтательна – ей казалось, она преодолеет препятствия, выйдет замуж, устроится на службу в большом городе, или, может быть, какой-нибудь охотник за талантами приедет в их медвежий угол, чтобы отдохнуть немного, и увидит ее. Может быть, она станет знаменитой актрисой, напишет книгу, которая стяжает ей громкую славу. Может быть, она услышит

умоляющие крики фоторепортеров. Может быть, жизнь красной ковровой дорожкой расстелется у нее под ногами.

Каждый день был днем ожидания. Каждый вечер мог появиться в Вискосе тот, кто оценил бы ее по достоинству. Каждая ночь приносила надежду на то, что мужчина, проведя ночь в ее постели, наутро увезет ее с собой и она никогда больше не увидит три улочки, каменные домишки под черепичными крышами, кладбище и церковь, гостиницу и магазин, где можно купить натуральные продукты, которые, впрочем, залеживаются там месяцами и в конце концов распродаются как самые обыкновенные, фабричные.

Иногда ей приходило в голову, что кельты, в древности населявшие этот край, спрятали здесь свои сокровища и она отыщет их. Впрочем, из всех мечтаний Шанталь эта была самой неосуществимой, самой несбыточной.

И вот теперь у Шанталь в руках – слиток золота, то самое сокровище, в существование которого она никогда, по правде говоря, не верила, то самое полное и окончательное освобождение.

Ее охватил ужас – удача, раз в жизни улыбнувшаяся ей, может исчезнуть нынче же вечером. А что, если чужестранец передумает? Или решит уехать в другой городок и там поискать женщину, которая охотней, чем Шанталь, согласится помочь ему в осуществлении его намерения? Почему бы ей не встать, не пойти домой, а там, сложив свои скудные пожитки в чемодан, просто-напросто не покинуть Вискос?

Она представила себе, как спустится по крутому обрывистому склону и на шоссе внизу остановит попутную машину, а чужестранец тем временем, отправившись на свою утреннюю прогулку, обнаружит, что его золото похищено. Шанталь поедет в ближайший город, а он вернется в гостиницу и вызовет полицию.

Шанталь поблагодарит водителя и, прямиком направившись на автовокзал, купит билет куда-нибудь подальше, и в этот момент к ней подойдут двое полицейских и вежливо попросят открыть чемодан. Когда же они увидят, что там внутри, вежливость их исчезнет бесследно – вот она, женщина, которую разыскивают по сделанному три часа назад заявлению о краже.

А в полиции Шанталь окажется перед выбором – рассказать всю правду, в которую никто не поверит, или же сплести историю о том, как увидела в лесу вскопанную землю, стала рыть глубже и обнаружила золото. Однажды некий кладоискатель – он тоже охотился за сокровищами кельтов – провел ночь в ее постели. По его словам выходило, что законы страны ясно гласят: нашедший имеет право на все, что будет им найдено, но обязан, в соответствии с параграфом таким-то, сообщить о своей находке, если она представляет историческую ценность. А этот слиток ни малейшей исторической ценности не представляет: это что-то современное – просто кусок золота с какими-то клеймами, метками и цифрами.

Чужестранца допросят. Он никак не сможет доказать, что Шанталь заходила в его номер и похитила принадлежащую ему собственность. Его показания – против ее показаний, но не исключено, что поверят все-таки ему, особенно если у него найдутся влиятельные друзья и полезные связи. Тогда Шанталь попросит провести экспертизу, и выяснится, что она говорит правду – на металле обнаружат частички грунта.

А тем временем слухи об этой истории докатятся до Вискоса, и жители его – от зависти или по злобе – сумеют настроить полицию против девушки, рассказав, что о ней ходит слава, будто она не раз блудила с приезжими постояльцами, а потому могла украсть слиток, покуда чужестранец спал.

И кончится все это самым жалким и плачевным образом: золото конфискуют до суда, который разберет дело, Шанталь поймает другую попутку и вернется в Вискос – униженная, уничтоженная, обреченная на толки и сплетни, которые не позабудутся еще несколько десятков лет. Потом окажется, что процесс ни к чему не приведет, что адвокаты стоят денег, каких она и в руках не держала, и в конце концов она, не дожидаясь суда, откажется от золота.

И что в итоге? Ни золота, ни доброго имени.

Но есть ведь и другой вариант: чужестранец сказал ей правду. Если Шанталь похитит слиток и скроется с ним, разве не спасет она свой город от куда большей беды?

Однако еще до того, как выйти из дому и направиться в лес, Шанталь знала, что никогда не решится на подобный шаг. Но почему же именно в тот момент,

который мог бы полностью изменить всю ее жизнь, обуял ее такой страх? Разве не случалось Шанталь спать с теми, кто ей нравился? Разве не кокетничала она с посетителями бара, надеясь на хорошие чаевые? Разве не лгала время от времени? Разве не завидовала прежним друзьям, которые теперь появлялись в Вискосе лишь под Новый год, чтобы проведать родных?

Она изо всех сил стиснула в пальцах слиток, поднялась на ноги, чувствуя слабость и отчаяние, снова спрятала золото в ямку и присыпала землей. Нет, она не способна на такое – и дело тут не в том, честная она или нет, а в ужасе, обуявшем ее. В эту минуту она ясно осознала, что человек не может осуществить свои мечты в двух случаях: когда они совершенно несбыточны и когда после того, как колесо судьбы делает внезапный оборот, они превращаются в нечто вполне осуществимое, да только ты к этому не готов. Тогда вот и охватывает тебя страх перед дорогой, ведущей неведомо куда, перед жизнью, бросающей тебе неведомые вызовы, перед возможностью того, что все привычное и устоявшееся сгинет бесследно и навсегда.

Люди хотят все изменить и одновременно хотят, чтобы все оставалось прежним, таким, как раньше. Шанталь не знала, почему это происходит, но именно это и происходило с ней сейчас. Быть может, она слишком сильно привязалась к Вискосу, слишком привыкла к тому, чтобы ощущать себя побежденной, – и любой шанс на победу сделался для нее неподъемной тяжестью, невыносимым бременем.

Она не сомневалась, что чужестранцу надоест ждать от нее ответа и скоро – может быть, уже сегодня к вечеру – он решит остановить свой выбор на ком-нибудь еще. Но страх пересиливал желание изменить свою участь.

Руки, совсем недавно державшие слиток золота, должны будут снова взять швабру, мочалку, половую тряпку. Шанталь повернулась спиной к закопанному сокровищу и направилась в город: там, в гостинице, ее уже поджидала слегка раздраженная хозяйка, которой девушка обещала прибраться в баре до того, как проснется единственный постоялец.

Опасения Шанталь не подтвердились – чужестранец не уехал. В тот же вечер она увидела его в баре: он был как никогда оживлен и обходителен,

рассказывал о своих приключениях, не вполне правдоподобных, но по крайней мере ярко и насыщенно пережитых им в воображении. И, как вчера, взгляды их безразлично скрестились лишь в ту минуту, когда он расплачивался за угощение.

Шанталь была измучена и мечтала лишь о том, чтобы все ушли пораньше. Однако чужестранец был сегодня особенно в ударе и рассказывал все новые и новые случаи, а завсегдатаи слушали его внимательно, заинтересованно и с тем уважением, больше похожим на смиренную ненависть, которое сельские жители испытывают к горожанам, полагая, что они – умнее, образованнее, современнее, культурнее и во всем разбираются лучше.

«Дурачье, – подумала Шанталь. – В толк не возьмут, как они важны. Не понимают, что каждый раз, когда в любом уголке мира кто-нибудь подносит ко рту вилку, он может сделать это лишь благодаря жителям Вискоса и им подобным – всем, кто работает с утра до ночи, кто в поте лица, превозмогая усталость, с бесконечным терпением обрабатывает землю и ходит за скотиной. Они нужней миру, чем жители больших городов, а чувствуют – и ведут – себя как неполноценные, никчемные и сознающие свою никчемность существа».

Чужестранец между тем явно собирался продемонстрировать, что его культура весит больше и стоит дороже, чем тяжкий труд людей, сидевших в баре. Он показал на украшавшую стену картину:

– Знаете, что это такое? Одно из самых знаменитых в мире полотен: оно принадлежит кисти Леонардо да Винчи и изображает тайную вечерю – последний ужин Иисуса с апостолами.

– Не может быть! – воскликнула хозяйка. – Неужели такая знаменитая картина?! Мне она обошлась очень дешево.

– Но это ведь всего лишь репродукция: сама картина находится в одной церкви, расположенной далеко отсюда. Об этой картине существует легенда – если угодно, я мог бы рассказать.

Присутствующие изъявили согласие, а Шанталь снова почувствовала жгучий стыд за то, что стоит здесь и слушает, как этот проходимец щеголяет своей бесполезной образованностью для того лишь, чтобы показать – он знает больше

других.

– При создании этой картины Леонардо столкнулся с огромной трудностью: он должен был изобразить Добро, воплощенное в образе Иисуса, и Зло – в образе Иуды, решившего предать его на этой трапезе. Леонардо на середине прервал работу и возобновил ее лишь после того, как нашел идеальные модели.

Однажды, когда художник присутствовал на выступлении хора, он увидел в одном из юных певчих совершенный образ Христа и, пригласив его в свою мастерскую, сделал с него несколько набросков и этюдов.

Прошло три года. «Тайная вечеря» была почти завершена, однако Леонардо пока так и не нашел подходящего натурщика для Иуды. Кардинал, отвечавший за роспись этого собора, торопил его, требуя, чтобы фреска была закончена как можно скорее.

И вот после многодневных поисков художник увидел валявшегося в сточной канаве человека – молодого, но преждевременно одряхлевшего, грязного, пьяного и оборванного. Времени на этюды уже не оставалось, и Леонардо приказал своим помощникам доставить его прямо в собор, что те и сделали.

С большим трудом его притащили туда и поставили на ноги. Он толком не понимал, что происходит, а Леонардо запечатлевал на холсте греховность, себялюбие, злочестие, которыми дышало его лицо.

Когда он окончил работу, нищий, который к этому времени уже немного протрезвел, открыл глаза, увидел перед собой полотно и вскричал в испуге и тоске:

– Я уже видел эту картину раньше!

– Когда? – недоуменно спросил Леонардо.

– Три года назад, еще до того, как я все потерял. В ту пору, когда я пел в хоре и жизнь моя была полна мечтаний, какой-то художник написал с меня Христа.

Чужестранец довольно долго молчал, устремив глаза на священника, который пил свое пиво, но Шанталь знала, что его слова предназначаются ей.

– Может быть, у Добра и у Зла – одно и то же лицо. Все зависит лишь от того, когда встречаются они на пути каждого из нас.

Он поднялся, сославшись на усталость, извинился и ушел в свой номер. Посетители бара расплатились и медленно потянулись к дверям, поглядывая на дешевую репродукцию знаменитой картины и мысленно спрашивая себя, на каком именно отрезке их жизненного пути повстречался им ангел или демон. И, хотя никто не поделился своими раздумьями с другими, все единодушно пришли к такому выводу: все это произошло еще до того, как Ахав превратил разбойничий край в мирный и процветающий, а теперь все дни неотличимы друг от друга. И больше ничего.

5

Измученная Шанталь работала как автомат, но знала, что она – единственная из жителей Вискоса, кто думает иначе. Она чувствовала на лице ласкающее прикосновение тяжелой и обольстительной руки Зла. «Может быть, у Добра и у Зла – одно и то же лицо. Все зависит лишь от того, когда встречаются они на пути каждого из нас». Хорошо сказано и, может быть, даже соответствует действительности, но сейчас ей было не до них – сейчас она хотела только спать.

* * *

Кончилось тем, что она ошиблась, отсчитывая сдачу одному из посетителей, что случалось с ней редко, она извинилась, но виноватой себя не почувствовала. Сохраняя бесстрастное достоинство, девушка дождалась, когда уйдут последние клиенты – по обыкновению, это были мэр и священник. Шанталь заперла кассу, надела свое дешевое тяжелое пальто и отправилась домой – так было уже много лет.

В третью ночь она предстала перед лицом Зла. А Зло на этот раз приняло обличье крайнего изнеможения и высоченной температуры – девушка почти теряла сознание, но при этом не могла забыться сном. Где-то за окном слышался неумолчный волчий вой. Порой Шанталь думала, что у нее начались галлюцинации: ей казалось, что зверь проник в ее комнату и говорит с ней на непонятном языке. В краткий миг просветления она захотела встать и пойти в церковь, попросить падре вызвать врача – ей плохо, очень плохо. Но когда она попыталась исполнить свое намерение, то поняла, что ноги ее не слушаются – стали точно ватные – и до церкви ей не дойти.

Если пойдет, то до церкви не дойдет.

Если же все-таки дойдет, ей придется ждать, пока падре проснется, оденется, отворит ей дверь, а тем временем ночной холод усилит ее жар до такой степени, что она скончается прямо там, перед тем местом, которое многие почитают священным.

«Что ж, – подумала Шанталь. – По крайней мере, не придется нести меня на кладбище: я умру на нем».

Всю ночь она металась в жару и полубреду, но, когда утренний свет проник в ее комнату, заметила, что температура снизилась примерно наполовину. Силы вернулись к ней, она попыталась было заснуть, но услышала такой знакомый гудок – это в Вискос приехал булочник, и, значит, пора готовить утренний кофе.

Никто не приказывал ей спуститься и купить хлеба: у нее ни перед кем не было обязательств и она могла лежать в кровати хоть целый день, потому что на работу ходила лишь по вечерам. Однако Шанталь чувствовала в себе какую-то перемену: чтобы окончательно не лишиться рассудка, ей необходимо ощутить окружающий ее мир. Она хотела увидеть людей, которые в этот час, как всегда, толкутся у маленького зеленого фургона, обменивая монетки на хлеб и радуясь тому, что начался новый день, а им есть чем заняться и есть что есть.

Она спустилась, поздоровалась, услышала: «У тебя усталый вид» и «Не случилось ли чего?». Все были приветливы и полны участия, готовы прийти на помощь, все были простодушны и безыскусно добры, а ее душа рвалась в клочья, обуреваемая страхом и сознанием своей власти, мечтами и жаждой приключений. Ей бы очень хотелось поделиться с кем-нибудь своей тайной, но

она знала – стоит рассказать одному, как еще до полудня об этом будет знать весь город. Так что лучше уж поблагодарить за то, что беспокоятся о ее здоровье, и идти своей дорогой, пока не прояснится в голове.

– Нет, ничего, – отвечала она. – Волк выл всю ночь, не давал мне уснуть.

– А я не слышала никакого волка, – удивилась хозяйка гостиницы, тоже покупавшая хлеб.

– Уже несколько месяцев, как в округе не слышно волчьего воя, – согласилась с ней женщина, которая готовила местные блюда, продававшиеся в гостиничном магазинчике. – Охотники, похоже, извели всех до единого, а для нас это очень скверно, ведь волки – главная приманка для приезжих. И чем неуловимей зверь, тем больше азарт охотников. Они ведь обожают подобное бессмысленное состязание.

– При булочнике не надо бы говорить, что в округе больше нет волков, – сказала хозяйка Шанталь. – Узнают об этом – люди вовсе перестанут приезжать к нам в Вискос.

– Но я слышала волчий вой.

– Наверно, это был оборотень, – заметила жена мэра, которая терпеть не могла Шанталь, но была дамой хорошо воспитанной и умела скрывать свои чувства.

– Никаких оборотней не существует, – не без раздражения сказала хозяйка. – Обыкновенный волк, а сейчас его, наверно, уже застрелили.

Жена мэра, однако, не собиралась сдаваться:

– Существует или нет, но какой-то волк выл этой ночью. Вы заставляете Шанталь работать сверхурочно, она слишком устает, вот ей и мерещится всякое.

Шанталь, не вмешиваясь в их спор, купила хлеб и ушла.

«Бессмысленное состязание», – думала она, вспоминая слова одной из собеседниц. Да, вот такой и представляется им жизнь – бессмысленным

состязанием. Шанталь еле-еле сдержалась, чтобы не выложить предложение, сделанное ей чужестранцем, – любопытно было бы посмотреть, как эти нищие духом, хорошо устроившиеся люди устроят иное состязание, в котором смысла будет больше. В обмен на преступление – десять слитков золота, способных обеспечить будущее их детей и внуков, вернуть былую славу Вискосу – с волками или без волков.

Однако девушка сдержалась. В ту минуту она решила, что расскажет эту историю сегодня же вечером, но – когда все соберутся в баре, чтобы никто не мог сказать потом, что, мол, не слышал или не понял. Может быть, они схватят чужестранца и потащат его прямиком в полицию, а ей, Шанталь, вручат ее слиток золота в виде вознаграждения за услуги, оказанные городу. А может быть, они просто не поверят, и тогда чужестранец покинет Вискос, уверясь, что все его жители – праведники. А ведь это не так.

Все они невежественны, наивны, все мыслят и чувствуют по шаблону. Все верят лишь в то, во что привыкли верить, – и ничему другому. Все боятся Бога. Все – и она в том числе – испытывают страх в тот миг, когда могут изменить свою судьбу. Что же касается истинной доброты, то ее, скорей всего, не существует вовсе – ни на земле, населенной трусливыми людьми, ни на небе, где обитает Господь Вседержитель, налево и направо сеющий страдания с единственной целью – сделать так, чтобы мы всю жизнь просили избавить нас от зла.

Температура упала; Шанталь не спала уже три ночи кряду, но, варя себе утренний кофе, чувствовала себя хорошо как никогда. Нет, она не единственная, кто испытывает страх. Быть может, она единственная, кто сознает свою трусость, ибо все прочие называют жизнь «бессмысленным состязанием», а присущий им страх принимают за благородство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/paulo-koelo/dyavol-i-senorita-prim-kupit

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити